

СЕНТЯБРЬ

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

Обращение к Н. Рериху:

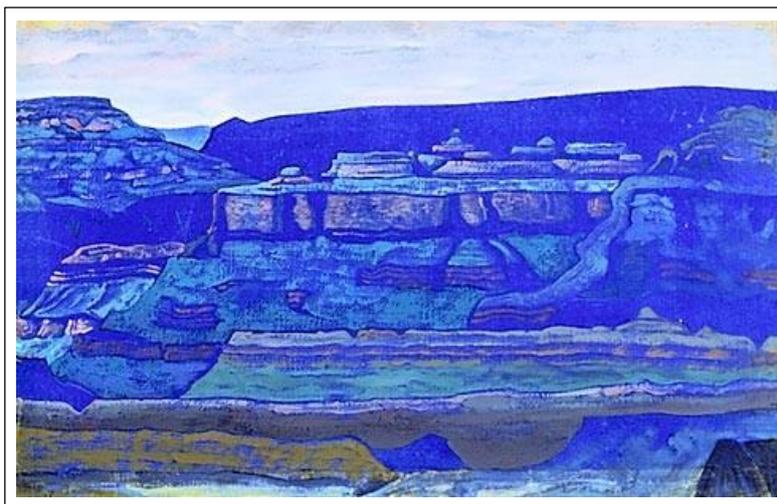
«Много пользы принесёшь миру».
«Картины твои имеют значение для будущего»
«Храни твоё устремление». *Аллал-Минг*
«Пиши безбоязненно свои картины – в них сила!»

31 августа 1921 г.

– Рерих, поезжай в явленное время, в счастливый понедельник
Рука Моя даст успех в Сан-Франциско...

2 сентября 1921 г.

- Рерих щит Мой несёт...
- Можете оставить картины на выставке в Санта-Фе...
- Синий пейзаж нужно оставить...

Н.К. Рерих. Синий пейзаж (Синие храмы). 1921.

4 сентября 1921 г.

- Новыми вернётесь из Индии.
- Теперь обратите внимание на выставку и на средства к отъезду.
- Твоя работа теперь сосредоточиться на выставке. Я пошлю помощь, но вы сумеете принять её.

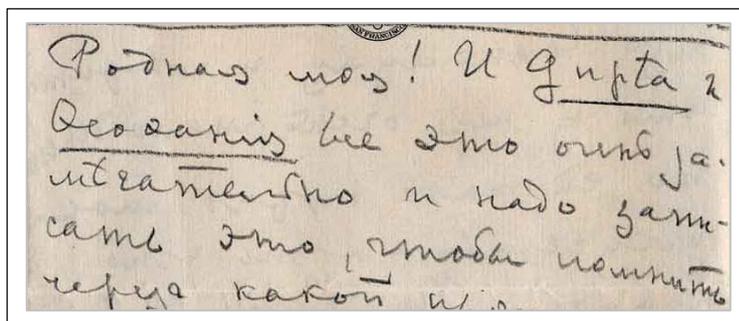
5 сентября 1921 г. –

День отъезда Н. Рериха [*в Сан Франциско*].

Публикуется по изданию: Записи Учения Живой Этики. Т. 1. 2007.

17 сентября 1921 г. Сан-Франциско.
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Родная моя! И Gupta и Феофания всё это очень замечательно и надо записать это, чтобы помнить через какой промежуток всё открывается.

Фрагмент письма.

Сегодня иду на выст[авку] с особым чувством. Вчера писал Тебе, что утром в Пятницу я просил Master"а помочь, и в коридоре вдруг раздался голос: "all right!" [Порядок! (англ.)- ред.] Перед закрытием выставки на улице ко мне подходит молодая дама из Ганолулу и говорит, что у неё очень мало денег, но ей так нужно моё искусство – хоть что-нибудь! Придёт в 9. 50. на выст[авку], а в 11 уезжает на Ганолулу. Посмотрим.

Опять непонятно! явился Osw. Siren с настойчивым предложением посетить Point Loma¹. Обедали вместе. Он настаивал всячески, что я должен неделю пробыть в P. Lom'e. Что мне устроят там и встречу, и концерты, и проч., и проч.

Хотел бы спросить Master'а, что это значит?

Фотогр[афии]. с костюмов отложи пока до моего приезда.

Руманов в отъезде, но помнишь, было сказано, что Руманов будет агентом!

Конечно, опять было замечательно! Приехала эта барыня из Гонолулу с чеком \$300 и сказала, что больше у ней нет, но она должна иметь мою вещь. Eclipse (Затмение) из Игоря и сразу со стены увезла в Гонолулу.

Итак, Master дал мне «на дорогу». Не сомневаюсь, что он даст и больше, чтобы выйти из нашего положения.

Пожалуйста, пиши лучше на Музей, ибо не знаю, когда уеду. Пожалуй, ещё неделю придётся пробыть.

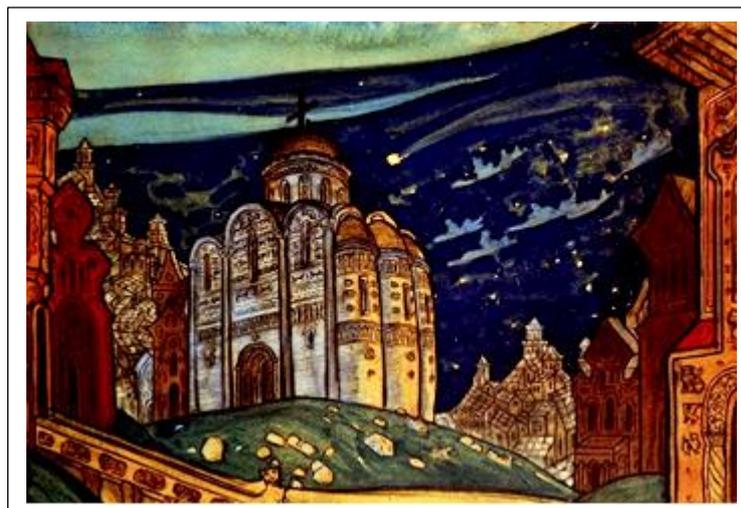
Суббота утро.

Целую крепко.

Пусть Света или Юрик скалькирует танки из <Neu....> - лист или два.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

¹ Point Loma – полуостров Сан Диего, Калифорния (ред).

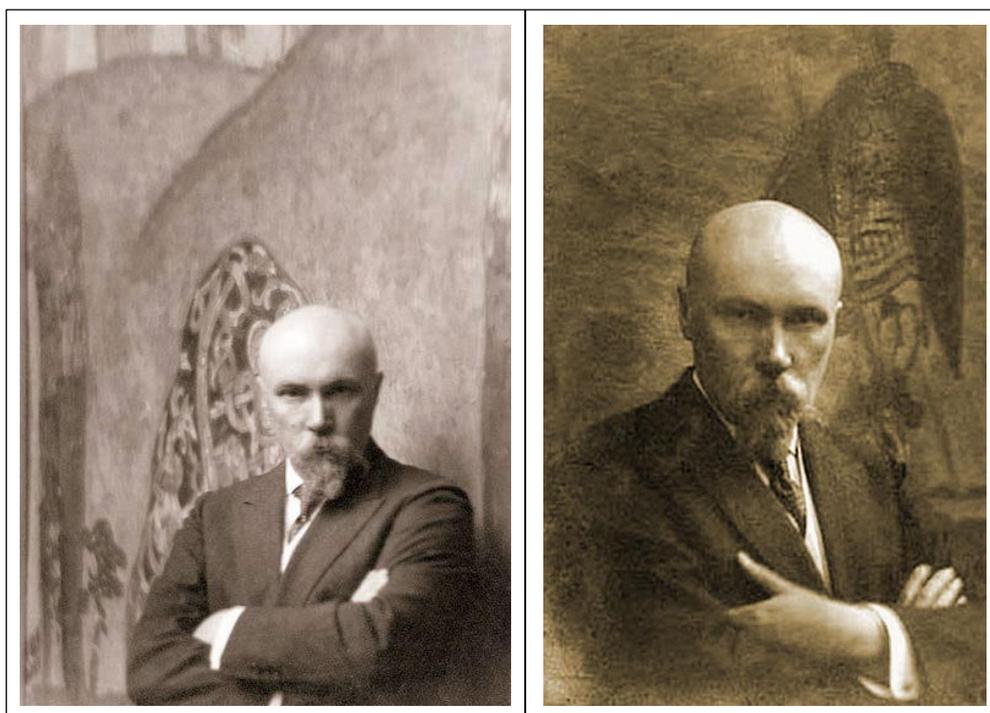

Н.К. Рерих. Путивль. Затмение. 1914.

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

«Другой памятный эпизод - в Сан-Франциско. В очень тягостном ожидании я сидел в комнате гостиницы. Раздались три удара в дверь. "Войдите!" Входит маленькая старушка в скромном чёрном платье, остановилась у двери и, не здороваясь, тихо говорит: "Мы признаём Вас, и так далее". После одобрительных слов поклонилась и ушла.

И опять почему-то я не спросил, кто она, не предложил сесть и молча стоя выслушал. На другое утро появилась милая мисс Кастль из Гонолулу - Вы знаете об этом.....». (Из письма в Америку от 1.03.1947 г.)

Николай Рерих. 1921 г. Сан-Франциско
Слева на заднем плане картина "Сокровище ангелов". Справа – «Варяжское море».

19 сентября 1921г.

Из лекции, прочитанной Н.К. Рерихом в Калифорнийском университете.

РАДОСТЬ ИСКУССТВУ

«Эволюция Космоса начинается, когда я отражаю мой разум в вечной энергии».

Бхагавад-Гита

От невежества – тьма, от знания – свет. Ложное искусство – заурядно; истинное искусство творит радость духа и ту мощь, из которой произрастёт наше будущее.

Следует тщательно отобрать всё, что может повести человека новым путём. Как в доисторические времена палеолит был вытеснен неолитом, так и в наши дни на смену механической цивилизации приходит культура. Друиды тайно поклонялись законам мудрости; подобно этому в нарождающемся царстве духа внимание обращается к знанию и красоте. Многие на родине уже освещены этим тайным огнём; многие уже объединены им, каждый пробудившийся уже является атомом в новом строении. Та же самая мысль возникает в разных странах одновременно, подобно сильному растению, дающему жизнь многочисленным молодым побегам из единого корня.

Друзья, не хотите ли послушать о русском искусстве? Вы заинтересовались и дружелюбно ожидаете. И совершенно справедливо. Русский народ всегда был близок к искусству. С давних времен все традиции его жизни были пронизаны истинным искусством.

Древний героический эпос, фольклор, национальные струнные и духовые инструменты, кружева, деревянная резьба, иконы, архитектурный орнамент – всё говорит об истинно художественном вдохновении. И даже теперь выставки, концерты, театральные постановки и публичные лекции неизменно привлекают множество людей. В Москве из двухмиллионного населения каждую выставку посещают десять тысяч человек (в то время как среднее число посетителей художественных выставок в Лондоне равно пяти тысячам из десятиmillionного населения).

Совсем недавно Куприн писал: «Русские деревни приветствуют интеллигенцию. Она приблизилась к пониманию крестьянства. Вновь прибывшего студента, будь то мужчина или женщина, доверительно просят учить маленьких деревенских детей, чьи старшие братья и сёстры стремятся к изучению не только музыки, но и иностранных языков. Встречаются и бродячие фотографы со множеством заказов. Художник, способный воспроизвести на куске холста приблизительное сходство с человеческим лицом, может рассчитывать на долгую и благополучную жизнь в деревне. Я говорю благополучную, потому что деревенские жители искренне опекают этих неизвестных художников».

Я тоже мог бы привести многочисленные примеры любви к искусству и просвещению среди простого русского народа.

В одной статье не охватить все области обширных владений русского искусства. Однако можно наметить вехи и главные направления, которые поведут нас от современности в глубь веков.

Кроме современных русских мастеров: Серова, Трубецкого, Врубеля, Сомова, Бакста, Григорьева – вы высоко оценили наших выдающихся соотечественников, таких, как Репин и Суриков, Нестеров и Левитан. Вы также узнали имена старых мастеров: классика Брюллова, религиозного гения Иванова, толкователя народной жизни Венецианова и наших великих портретистов Левицкого и Боровиковского. Но всё же необходимо с высоты птичьего полёта показать характерные национальные особенности и движения русского искусства.

Наше искусство очистим ли? Что возьмём? Куда обратимся? К новым ли пере толкованиям классицизма? Или сойдём до античных первоисточников? Или углубимся в бездны примитивизма? Или искусство наше найдёт новый светлый путь «неонационализма», овеянный священными травами Индии, крепкий чарами финскими, высокий взлётами мысли так называемого «славянства»?

Всех нас бесконечно волнует – откуда приходит радость искусства? Радость искусства, хотя и менее ощутимая, идёт. Мы чувствуем звучащие, уже близкие шаги этой радости.

Среди недавних достижений одно значительно и ярко: быстро вырастает сознание о декоративном, украшающем начале искусств. Подлинная цель и назначение искусства снова выдвигаются вперёд, правильно понимаются как украшение жизни. Украшать жизнь так чтобы художник и зритель, мастер и пользующийся объединились экстазом творчества и ликовали радостью искусства.

Можно мечтать, что именно исканиями нашего времени буду отброшены мёртвые приатки искусства, навязанные ему в прошлом веке. В массах слово «украшать» будто получает опять обновление значение.

Драгоценно то, что культурная часть общества именно теперь стремится узнать истоки искусства. И, погружаясь в эти чистые родники, общество вновь поймёт всё великое значение слова «украшать». Это может вызвать появление совсем нового стиля и привести к новой эпохе, нам совершенно неведомой. Эпоху, по глубине радости, конечно, близкую первым человеческим экстазам.

Цветы не расцветают на льдах. Для того, чтобы сковалась новая эпоха, нужно, чтобы вслед за художниками всё общество приняло участие в постройке храма. Не холодными зрителями должны быть все люди, но сотрудниками работы. Мысленное творчество освятит все художественные проявления жизни – необходимость в выставках, художественных галереях и частных коллекциях движет искусство – такое творчество и будет тем сердечным теплом, без которого корни цветов высыхают.

Всем хочется заглянуть вглубь, туда, где сумрак прошлого озаряется сверканием истинных драгоценностей, то роскошных, то скромных и великих только чистотою мысли, их создавшей. Попробуем решить, что бы мы могли увидеть, если бы переместились в разные далёкие века? Удивились бы мудрости внутреннего художественного инстинкта или нашли бы только гениальных детей? Не детей мы нашли бы, но мудрецов.

Не будем описывать отдельных предметов древнего искусства; такие измерения и объяснения могут обидеть их авторов и настоящих владельцев. Впечатление гармонии нужно в искусстве; и всё красивое и чистое, благородное и замечательное надо принимать как искусство. Клевета не страшна. Когда говорят о современном искусстве, то больше обращают внимание на тёмные стороны дела. В таких порицаниях чувствуется молодость страны.

Поспешим в тридцатые годы прошлого столетия и ещё дальше. Многие из того времени затронет струны наших душ: благородный расцвет эпохи Александра I, истинно декоративный блеск времени Екатерины Великой и Елизаветы (XVIII в.) и непостижимые совмещения искусства эпохи Петра Великого. По счастью, большая часть его избежала разрушения и живо говорит за себя.

Что ещё гораздо менее известно и понято, так это допетровские времена. Наше представление о них долгое время было хаотичным из-за примеси собственных домыслов, которые всегда есть результат малого знания. Самый верный способ изучить постройки и церкви допетровской эпохи – это мысленно перенести в них сокровища наших музеев, ювелирные изделия, ткани, иконы и т. д.

Самое достойное место среди произведений древнерусского искусства следует отвести иконам. Как магически декоративны Чудотворные лики! Какое постижение строгой силуэтности и чувство меры в стеснённых фонах! В них отразилось величайшее понимание приёмов силуэтной живописи и глубокое чувство пропорции в написании фона. Кажется, что лики Христа, Девы Марии, некоторых самых любимых

святых действительно излучают энергию, им присущую: Лик – грозный, Лик – благостный, Лик – радостный, Лик – печальный, Лик – милостивый, Лик – всемогущий. Всё тот же Лик, спокойный чертами, бездонный красками, – Чудотворный.

Только недавно осмелились взглянуть на иконы, не нарушая их значения, со стороны чистой красоты; только недавно рассмотрели в иконах и стенописях не грубые, неумелые изображения, а великое декоративное чутьё, овладевшее даже огромными плоскостями. Мы мало ещё умеем различать родственную связь этого чутья с настоящей техникой и знанием, но рассуждения «специалистов» о стенописи и иконах даже вызывают сильное чувство боли и обиды за эти работы.

Разве мало почувствовать ликующую смелость красочных выражений в стеновых покрытиях храмов Ярославля и Ростова? Достаточно просто взглянуть на интерьер храма Иоанна Предтечи... Как смело сочетались лазоревые воздушнейшие тона с красивой охрой! Как легка изумрудно-серая зелень и как у места на ней красноватые и коричневатые одежды! По тепловатому светлomu фону летят невозмутимые архангелы с густыми жёлтыми сияниями, и белые их хитоны чуть холоднее фона. Нигде не беспокоит глаз золото, оно положено так совершенно и так продуманно. Воистину эти изысканные росписи – тончайшая шелковистая ткань, достойная одевать Дом Предтечи.

В лабиринте церковных ростовских переходов каждая открытая дверка поражает вас неожиданным стройным аккордом красок. Или на пепельно-белых стенах сквозят чуть видными тонами образы; или пышет на вас жар коричневых и раскалённо-красных тонов; или успокаивает задумчивая синяя празелень; или как бы суровым словом канона останавливает вас серыми тенями образ, залитый охрой.

Вы чувствуете, что сделалось всё это не случайно, что и вы не случайно зашли в этот Дом Божий, и что эта красота ещё много раз будет нужна вам в вашей будущей жизни.

По словам старинной книги XVII века, работа делалась «лепо, честно, с достойным украшением, чтобы предстоящим мнети бы на небеси стояти пред лица самих первообразных».

Когда позже писали знаменитую чудотворную икону Иверской Божьей Матери, обливали доску святою водою, с великим дерзновением служили божественную литургию, мешали святою водою и святые мощи с красками, только по субботам и воскресеньям живописец получал пищу. Велик экстаз создания иконы, и счастье, когда выпадал он на долю природного художника, вдохновлённого красотой векового образа.

Прекрасные заветы великих итальянцев в чисто декоративной перифразе слышатся в русской настенной росписи; татарщина внесла в русскую кисть капризность Дальнего Востока. В царском периоде нашей истории XVI в. декоративность каждого дня жизни достигла своего расцвета. Строительство в храмах, палатах и частных домиках даёт прекрасные образцы понимания пропорций и чувства меры в украшениях. Здесь спорить не о чем!

Бесконечно изумляешься благородству искусства и быта Новгорода и Пскова, выросших на «великом водном пути», от Балтийского моря до Чёрного, напитавшихся лучшими соками ганзейской культуры. Голова льва на монетах Новгородской республики, так схожая со львом св. Марка... Не была ли это мечта северного великана о далёкой южной царице морей – Венеции? Современные белокаменные стены Новгорода – «Великого города, который был сам себе хозяином» (цитирую полностью его древнее название) – выглядят так, как если бы они были украшены ганзейской росписью. Новгород, знаменитый и мудрый беспредельными набегами своей вольницы, скрыл от случайного прохожего свой лик – не от стыда, но от каприза – на славе знаменитого старого города не лежит никаких тёмных пятен. Многие старые особенности он сохранил даже до XIX столетия.

Иначе оказывал влияние Дальний Восток. Монгольские набеги посеяли такую ненависть, что их украшения остались в небрежении. Забывается, что таинственная

колыбель Азии вскормила этих диковинных людей и повила их богатыми дарами Китая, Тибета и Индостана. Русь не только страдала от татарских мечей, но сквозь звон их слушала сказки о чудесах, которые знали искусные греки и хитрые арабы, странствующие по Великому пути от норманнов к востоку.

Монгольские летописи и повести иностранных посольств тех дней толкуют о непостижимом смешении суровости и утонченности у великих кочевников. Повести знают, как ханы собирали в ставку своей лучших художников и мастеров.

Кроме установленной всеми учебниками может быть иная точка зрения на сущность татар.

Татарское презрение и жестокость заставили русских князей отказаться от кровной вражды и сплотиться против общего поработителя; татары проучили их всемогуществом безжалостных побед; но они же принесли древнейшие культуры Азии и разнесли их по всей опустошенной русской земле.

Ещё хуже вспоминать древние орудия, которыми русичи в усобицах своих ещё раньше татар нарушали города друг друга. Белые стены русских храмов и башен, по словам древних летописей, «сияющие белизной, как сыр», много страдали от тяжёлых русских таранов.

Когда идёшь по равнинам за окраинами Рима, то невозможно себе представить, что именно по этим пустым местам тянулась необъятная, десятиmillionная столица цезарей. Нам почти невозможно представить себе великолепие Киева, где достойно принимал Ярослав всех чужестранцев. Обрывки стенописи в киевских соборах, все эти огромные большею частью фигуры мудрецов, очерченные кистью настоящих мастеров, дают представление о том, что значило в те времена искусство (X-XII вв.).

Несколько лет назад в Киеве при раскопках найдены остатки каких-то стен, фресок, изразцов и орнаментов. Думают, что это остатки княжеских дворцов. Я видел несколько изысканных фресок и обнаружил в них черты малоазийской культуры. Техника кладки говорит о технически необычном характере постройки, чем отмечены времена горячего порыва строительства. Думаю, палата Рогеров в Палермо даёт представление о палатах Киева.

Это было настоящим слиянием Севера и Юга: скандинавская стальная культура, унизанная сокровищами Византии, дала древний город, тот город красоты, из-за которого потом восставал брат на брата. Поразительные тона эмалей, тонкость и изящество миниатюр, простор и спокойствие храмов, чудеса металлических изделий, обилие тканей, лучшие заветы великого романского стиля дали благородство Киеву. Мужья Ярослава и Владимира тонко чувствовали красоту, иначе всё оставленное ими не было бы так прекрасно.

Вспомним те былины, где народ занимается бытом, где фантазия не расходится только на блеск подвигов.

Вот терем:

Около терема булатный тын,
Верхи на тычинках точёные,
Каждая с маковкой-жемчужинкой;
Подворотня – дорог рыбий зуб,
Над воротами икон до семидесяти;
Серед двора терема стоят,
Терема все златоверховатые;
Первые ворота – вальячатые,
Средние ворота – стекольчатые,
Третьи ворота – решетчатые.

В описании прослеживается сходство с эгейскими постройками и Траяновыми колоннами. Вот всадники:

Платье-то на всех скурлат-сукна,
Все подпоясаны источенками,
Шапки на всех черны мурманки,
Черны мурманки – золоты вершки;
А на ножках сапожки – зелен сафьян,
Носы-то шилом, пяты остры,
Круг носов-носов хоть яйцом прокати,
Под пята-пята воробей пролети.

Точное поэтическое описание византийской стенописи.

Вот сам богатырь:
Шелом на шапочке как жар горит;
Ноженки в лапотках семи шелков.
В пяты вставлено по золотому гвоздику,
В носы вплетено по дорогому яхонту.
На плечах шуба чёрных соболей,
Чёрных соболей заморских,
Под зелёным рытым бархатом,
А во петельках шёлковых вплетены
Всё-то божьи птичущки певучие,
А во пуговках злачёных вливаны
Всё-то люты змеи, зверюшки рыкучие...

Предлагаю на подобное описание посмотреть не со стороны курьёза былинно-го языка, а по существу. Перед нами детали, верные археологически. Перед нами в своеобразном изложении отрывок великой культуры, и народ не дичится ею. Он без злобы «низших» классов к «высшим» свободно и горделиво высказывается о том, что кажется ему красивым и изящным. Заповедные ловы княжеские, весёлые забавы, мудрые опросы гостей во время пиров, достоинство постройки новых городов сплетаются в стройную жизнь. Этой жизни прилична оправа былин и сказок. Верится, что в Киеве жили мудрые богатыри, знавшие искусство.

Привожу цитату из первых исторических летописей (смешение русского со старославянским явило тот непере译имый язык, на котором слагались поэтические сказания в XI веке.).

«Заложил Ярослав город великий Киев, у него же града суть Златая Врата. Заложил же и церковь святая Софья, митрополью и посёл церковь на Золотых Воротах святое Богородице Благовещенье, посёл святого Георгия монастырь и святая Ирины. И бе Ярослав любя церковныя уставы и книгам прилежа и почитая е часто в ноци и в дне и списаша книги многы: с же насае книжными словесы сердца верных людей, а мы пожи-наем, ученье приемлюще книжное. Книги бо суть реки, напоющаи вселенную, се суть исходища мудрости, книгам бо есть неисчетная глубина. Ярослав же се, любим бе книгам, многы наложи в церкви святой Софьи, юже созда сам, украси ю златом и серебром и сосуды церковными. Радовашеся Ярослав видя множество церквей».

Восторг Ярослава при виде блистательной Софии безмерно далёк от воплей современного дикаря при виде яркости краски. Это было восхищение культурного человека, почувшего памятник, ценный на многие века. Можно завидовать, можно удивляться той культурной жизни, где подобное искусство было нужно.

Может возникнуть вопрос: каким образом Киев в самом начале истории уже оказывается центром культуры и искусства?

Но знаем ли мы хоть что-нибудь о создании Киева?

Киев уже прельщал варяжского князя Олега – мужа бывалого и много знавшего. Киев ещё раньше облюбовали князья Аскольд и Дир. И тогда уже Киев привле-

кал много скандинавов: «И многи варяги скулиста и начаста владети славянскою землею».

При этом все данные не против культурности Аскольда и Дира. Сведения о создании Киева уходят корнями в глубь легендарного прошлого. Не будем презирать и предания. В Киеве был и апостол Андрей. Зачем прибыл в девственные леса проповедник? Но появление его становится вполне понятным, если вспомним таинственные культы Астарты, открытые недавно в киевском крае. Эти культы уже могут перенести нас в XVI – XVII века до нашей эры. И тогда уже для средоточия культа должен был существовать большой центр.

Можно с радостью сознавать, что весь великий Киев ещё покоится в земле, в нетронутых развалинах. Великолепные открытия искусства готовы. Эти вехи освещают и скандинавский век и дают направление суждениям о времени бронзы.

Несомненно, радость Киевского искусства создалась при счастливом соседстве скандинавской культуры. Почему мы приурочиваем начало русской Скандинавии к легендарному Рюрику? В древних летописях упоминается очень важное событие, которое до сих пор не принимали во внимание: «Русские изгнаша варяги за море и не даша им дани». Если изгнание варягов произошло до прихода Рюрика, когда же было первое прибытие варягов? Вероятно, что скандинавский век может быть продолжен вглубь на неопределимое время.

В учебниках имеем поразительный пример неопределённости суждений об этих временах. Так звучит в них знаменитое приглашение древних русичей заморским варягам: «Земля наша велика, но нет порядка в ней. Придите и правьте нами». И как следствие приглашения приводятся следующие строчки: «Прибыл Рюрик с братьями Синеум и Трувором».

В скандинавских летописях слова «син хуус» и «трувер» означают «со своим домом» и «со своей верною стражею». Поэтому я предлагаю другое толкование известной фразы: вполне вероятно, что она была сказана не древними русичами, а скандинавскими колонистами, обитавшими по берегам северной реки Волхов. Должно быть, это они пригласили Рюрика из-за озера Ладоги (очень похожего на море, где он, очевидно, имел привычку охотиться) – приехать и защитить их. И тогда Рюрик со своим домом и стражею и с любовью к приключениям прибыл по просьбе соотечественников. Всё сильнее «князей» его рода и воинов из северной Руси привлекал киевский стол, где звание «князь» значило больше чем «воин» и позволяло заниматься государственной деятельностью.

Глубины северной культуры хватило, чтобы напитать всю Европу своим влиянием на весь X век. Никто не будет спорить, что скандинавский вопрос – один из самых красивых среди задач художественных. Памятники скандинавов особенно строги и благородны. Долго только ладьи с пёстрыми парусами, только резные драконы были вестниками всего особенного, небывалого. С открытым сердцем приняли их наши предки. И нет никакого основания считать северян дикими поработителями родоначальников Новгорода. Они жили неведомо как, но во всяком случае жили долго и жили так, что истинное искусство им было близко. Это и стало мощным фактором их слияния с жителями русских равнин, обладавших врождённым художественным воображением.

Варяги дали Руси человекообразные божества, а сколько же времени северные народы чтили силы природы, принадлежали одной из самых поэтических религий! Эта религия – колыбель лучших путей творчества.

Погружаясь в глубину веков, доходим до последней черты реальных существований. От жизни осталась одна пыль, и незнающему трудно поверить, что найден не скучный археологический хлам, а частица бывшей, подлинной прелести. Всему народу пора начать понимать, что искусство не только там было, где оно ясно всем: пора верить, что гораздо большее искусство сейчас скрыто от нас временем. И многое – будто скучное – озарится тогда радостью проникновений, и зритель делается

творцом. В этом – прелесть прошлого и будущего. И человеку, не умеющему понимать прошлое, нельзя мыслить о будущем.

Сказочные барельефы северных скал, высокие курганы северных путей, длинные мечи и узорные одежды заставляют любить северную жизнь. В любви к ней может быть уважение к первым формам красоты, за гранью которых мы окунаемся в хаос бронзовых пати.

Много искусства в тех далёких, таинственных и неразборчивых временах.

Чужда ли искусству живоотнообразная финская фантазмагория? Чужды ли для художественных толкований формы, зачарованные Дальним Востоком? Отвратительны ли в первых руках скифов переделки античного мира? Только ли грубы украшения сибирских кочевников?

Эти находки не только близки искусству, но мы завидуем ясности мысли исчезнувших народов. Твёрдо и искусно укладывались великие для них символы в бесчисленные варианты вещей.

В таинственной паутине веков бронзы и меди опасно разбираемся мы. Каждый день приносит новые выводы. Целый ряд блестящих шествий! За сверкающей золотом тканей Византией проходят пёстрые финно-тюрки. Загадочно появляются величественные арийцы. Оставляют потухшие очаги неведомые прохожие... Сколько их!

Из их даров складывается синтез действительно неонационализма искусства. К нему теперь обратится молодое поколение. В этом залог его здоровья и силы. Если вместо притуплённого национального течения суждено сложиться обаятельному «неонационализму», то краеугольным его сокровищем будет великая древность – вернее, правда и красота великой древности, которые однажды займут достойное место в прекрасном будущем.

Древнейшие русские летописи христианского времени не в силах передать нам прелесть покинутых культов природы. Звериный обычай жизни, бесовские игрища, будто бы непристойные песни, о которых толкует летописец, подлежат большому обсуждению. Пристрастие духовного лица – летописца – здесь слишком понятно. Церковь не приносила искусство. Церковь на искусстве становилась. И, созидая новые формы, она раздавливала многое, тоже прекрасное.

После скандинавского века всякая достоверность исчезает. Приблизительность доходит до нескольких столетий. Мы только можем знать, что для жизни требовались красивые вещи, но какая была жизнь, какие именно требовались предметы искусства, как верили в это искусство бывшие жители – мы не знаем.

За четыре тысячи пятьсот лет до нашей эры расцветала культура Вавилона; знаем кое-какие буквы её, но сложить сказку из них – пусть попробуют специалисты!

Тёмные глубины веков бронзы и меди неразборчивы особенно, если мы захотим не сходить с русских территорий. Греция, Финикия! Какие непостижимые следствия должны были они производить среди местных населений. Конечно, в переходные моменты истории значение искусства затемнялось так же, как понижался смысл украшений во времена русской усобицы. Следует отбросить мнение о неумелом использовании новых «сокровищ», таких, как металл, в эпоху подлинного художественного вкуса. Ведь тёмные времена железа, бронзы и меди длились очень долго, и мы не можем ожидать какой-либо ясности, исследуя их.

В искусстве орнаментов дух древних творил неисчерпаемо. Культ символических узоров охранительной сетью окутывал человечество; и современная неграмотная мордовка или черемиска (на востоке России) не могут постичь значения искусства, дошедшего до неё через века и скрытого в её украшениях.

Roerich N.K. Adamant. New York: Corona Mundi, 1924.

*Перих Н.К. Гималаи – Обитель Света. Адамант. Самара: ТОО «Агни», 1996 (русс.)**

25 сентября 1921 г. Сан-Франциско.
Письмо Н.К. Рериха к Шибяеву В.А.

25 сент. 21.
S. Francisco

Дорогой друг мой, спасибо за Ваши вести. Получил их на перепутье. Я удивляюсь, что Mrs. Besant не поняла смысла пропаганды. И ни о какой пропаганде мы и не просили. Wadia меня не удивил, ибо о нём я знаю определённо. Сейчас около высокого движения много «деловитых» людей. Mrs. Besant я написал в Адьяр.

Здесь у меня опять много «фактов» и опять много друзей. Последите за «Herald of the Star» — там должна быть статья через 3-4 месяца.

Изучайте, дорогой мой, и восходите, и сумеете принять феномены так же просто, как бесконечно величие Творца, и если через «политику», через пыль сумеете увидеть свет, сужденный каждому человеческому духу, — тогда, как Вы знаете, жизнь наполняется особым смыслом и все наши будни получают особое освещение и разрешение.

Привет друзьям. По возвращению в New York напишу.

Сердечно Ваш *Н. Рерих.*

Публикуется по: Н. К. Рерих, "Дерзайте!" Письма (1921-1925). Абакан. 2012.

28 сентября 1921 г. Финляндия
Письмо Аксели Галлен-Каллела к Рериху Н.К.

Мой дорогой Рерих!

Твой зов приходит в тот момент, когда все мы, разъединённые друзья-коллеги, ощущаем истинную потребность в объединении высокого духа.

Было бы большой честью для меня работать в этом направлении для "Cor Ardens", а состоять в братстве – священный долг.

Я уже начал предварительную подготовку для образования местного отделения этой организации и жду результатов с нетерпением.

Когда что-нибудь из предпринятого будет закончено, я дам тебе знать.

Я преисполнен благодарности тебе, дорогой друг, за твоё письмо и счастлив слышать о твоём большом художественном успехе, за что ты достоин наивысшей похвалы. И я уверен, что моё назначение на почётную должность – это твоя инициатива.

Многие годы я намеревался поехать в США, но в данное время это невозможно реализовать, так как наши финские деньги оцениваются ниже, чем доллар.

Но если бы и там смог во время своего проживания делать самые скромные расходы, я бы совершил это путешествие с величайшим удовольствием. Может быть, ты просветишь меня в этом вопросе?

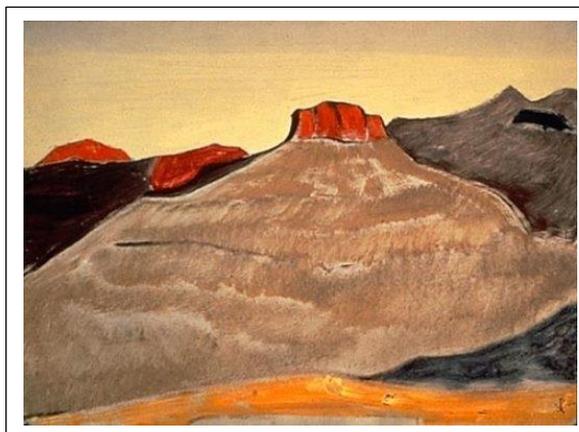
Мои картины (около 70 номеров), выставившиеся на Панамериканской выставке Рапата Pacific в Сан-Франциско, с 1914 хранятся там, и представь себе, что две из них (портреты двух моих дочерей) с отметкой «не для продажи» были проданы без моего разрешения. Это очень печально, и я хотел сам поехать туда и навести порядок, если это возможно. Администрация выставки не

дала мне какого-либо ответа на мой повторный запрос (!). Коллекция ещё находится в Зале изящных искусств в Сан-Франциско.

Преданный тебе

Аксель Галлен-Калледа

Публикуется по изданию: Елена Сойни «Северный лик Николая Рериха». Самара. Издательский дом «Агни». 2001. С. 127.

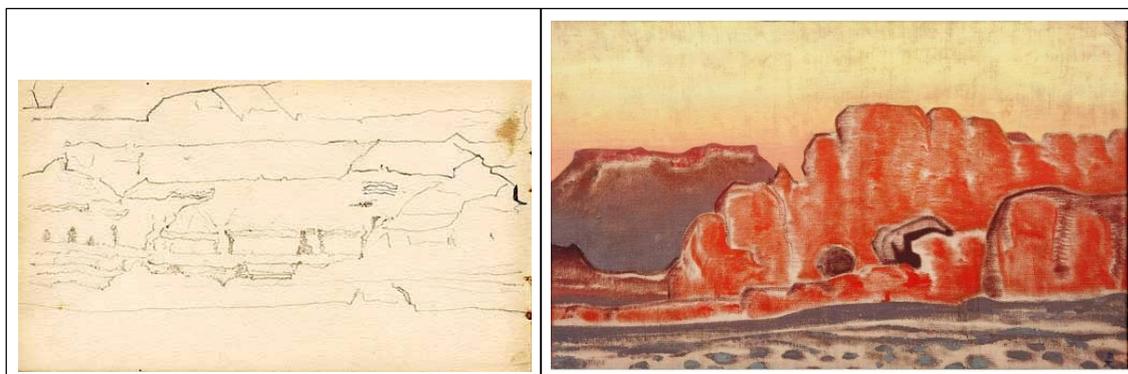

Н.К. Рерих. Этюд Аризоны 1921

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

«...Не забудем и другое. Вспомним, когда в 1921 году в Аризоне я показывал фотографии Монголов местным Индейцам, они восклицали: «Они ведь Индейцы! Они наши братья!». И так же точно, когда затем в Монголии я показывал Монголам изображения Американских Индейцев в Санта-Фе, они узнавали в них своих ближайших родственников. Они поведали замечательную сказку: «В давние времена жили два брата. Но повернулся Огненный Змий, и раскололась Земля, и с тех пор разлучились родные. Но вечно ждут они весть о брате и знают, что близко время, когда Огненная Птица принесёт им желанную весть». Так, в простых словах от древнейших времён люди устремляются в будущее...».

Весна священная. 1930 г. "Держава Света", 1931.

Н.К. Рерих. Большой каньон. Аризона. 1921

29 сентября 1921г. Santa Fe.
Письмо Н.К. Рериха к Шубаеву В.А.

Дорогой Владимир Анатольевич. Пишу опять с пути. Только что видел Grand Canyon — чудо величия и молчания Космоса.

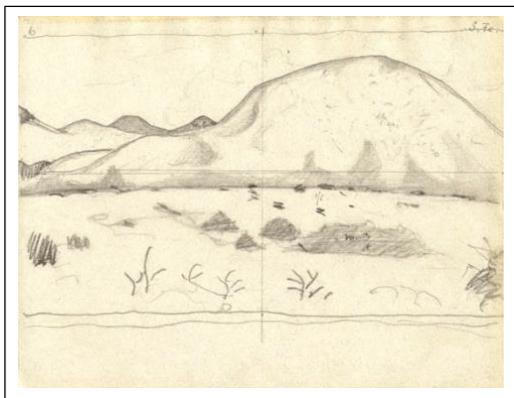
Был там по указанию Master'a. Из S. Francisco я написал Mrs. Besant и предупредил, что вряд ли приеду ранее 1,5-2 лет, ибо сейчас у меня здесь поручения. Спасибо за «Ловца». Мастер указывает обождать с печатанием. Он укажет, где и когда напечатать. По возвращении в New York узнаю все Ваши поручения и если получу ответ — сообщу.

Посылаю Вам вырезку из Academy Notes. Достаньте Architectural Record, august 1921 (New York Edition) и Shadow land мая 1921 — там ещё прочтёте. Наверно в British Museum эти издания имеются. За мою поездку в S. Francisco, Los Angeles и пр. я имел массу изумительных манифестаций, и удалось принести добро некоторым людям. Спасибо, что напомнили мне об указанных датах в Лондоне. Ведь наши полные записи начались только в Америке. Ещё сегодня я говорил моей жене, что если надо указать надёжного и преданного человека, то лучше Вас не найти. Ещё раз всего лучшего в Ваших путях светлых.

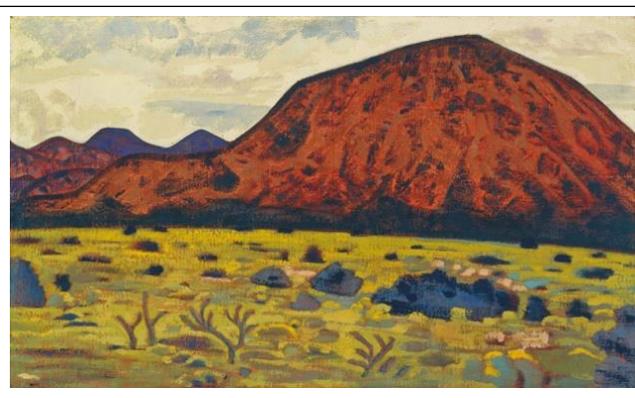
Сердечно Ваш Н. Рерих.

29 сент[ября] 1921. Santa Fe.

Публикуется по: Н. К. Рерих, "Держайте!" Письма (1921-1925). Абакан. 2012.

Н.К. Рерих. Санта Фе. Набросок. 1921.

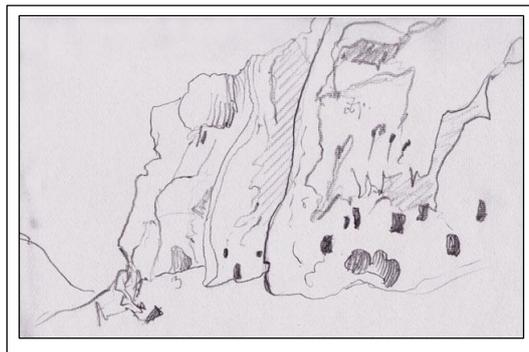

Н.К. Рерих. Санта-Фе. Нью-Мексико 1921.

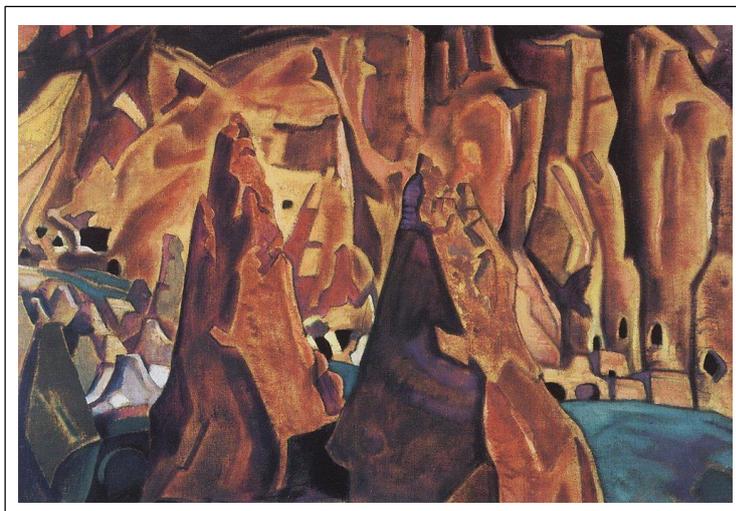
Из воспоминаний Н.К. Рериха.

«...Чтобы прикоснуться к подлинным источникам, удалось нам пересечь Америку. Видел красоты Калифорнии и национальных парков Новой Мексики и Аризоны. От Ниагары до Скалистых гор и до Тихого океана...»

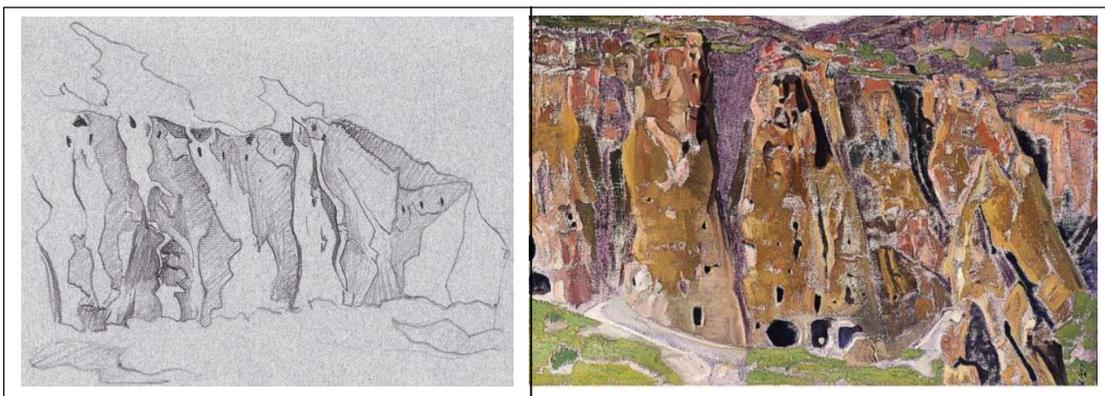
ОР ГТГ, ф. 44/523. Николай Рерих, «Алтай-Гималаи» (мысли на коне и в шатре). 1923-1926 гг. (Оттиск вступления к книге) (1927 г. Улан-Батор-Хото.).

Н.К. Рерих. Карандашный набросок Санта Фе, пещеры в скалах. 1921.

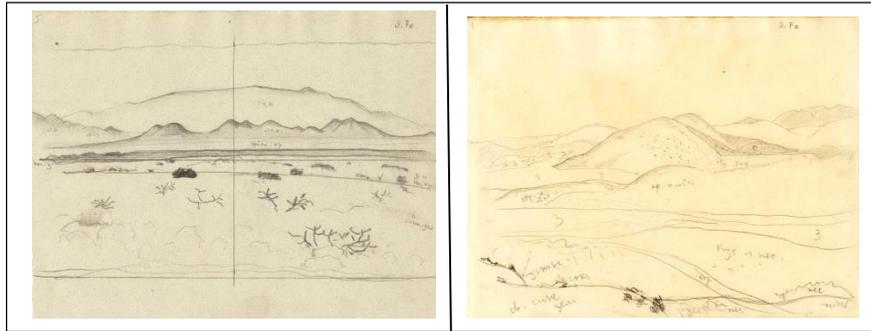
К. Рерих. Пещеры в скалах. Нью-Мексико 1921.

Слева: Н.К. Рерих. Карандашный набросок Санта Фе, пещеры в скалах. 1921².

Справа: Н.К. Рерих. Пещеры в скалах. Нью-Мексико 1921.

² См. каталог. Альбом с карандашными набросками Санта Фе и Аризона.

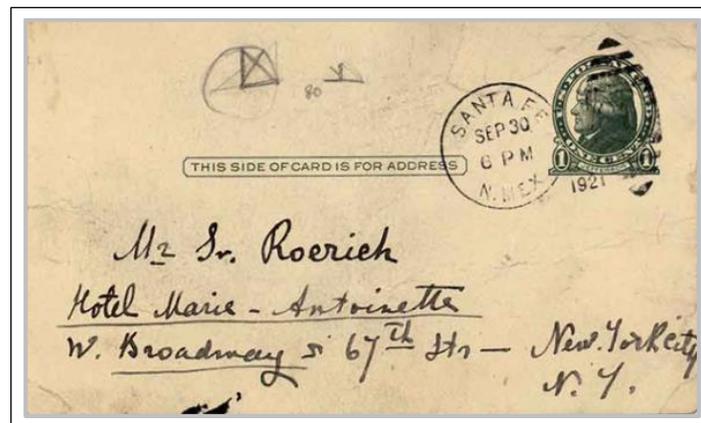

Из альбома карандашных рисунков. Санта-Фе. 1921.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:
29 - 30 сентября 1921 г.

- Умейте уехать в Тибет.
- Думайте о Тибете, помогайте установить гармонию.
- Нужно вам быть в Чикаго....
- Считаю очень удачной выставку в San Francisco

30 сентября 1921 г.
Письмо Е.И. Рерих к Рериху С.Н.

Mr Sv. Roerich
Hotel Marie-Antoinette
W. Broadway's 64th str - New. Yorkcity N.Y. №4

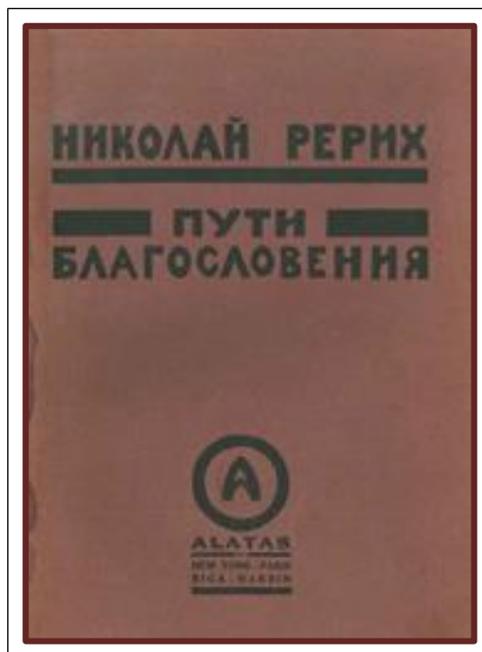
Дорогой Светуля, посоветуйся с Лихтманом, где тебе остановиться, ибо Marie-Antoinette имеет неважную репутацию, так говорит М^{ме} <Больш>. Здесь останавливаются южные американцы блестящего вида, но надо быть с ними очень осторожным. Не заводи знакомств.

Может быть, дядя Илья может тебе посоветовать бы, устроиться. Помни, что я очень беспокоюсь, и пиши открытки. Звони Валечке, она хотела помочь найти тебе помещение – целую и очень тревожусь – помни 30 сент.

Мама.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

Сентябрь 1921 г. Санта Фэ.

Н.К. Рерих.

ПУТИ БЛАГОСЛОВЕНИЯ

I

Как пчёлы, собираем мы знание и укладываем нашу кладь в причудливые соты. По прошествии года, обременённые вещами, мы пересматриваем наши "сокровища". Но кто успел подсунуть нам столько ненужного? Когда успели мы так затруднить путь свой? Но среди случайного и подлежащего, как печной перегар, уничтожению, всегда высятся веши, драгоценные нашему духу. Это они ведут человечество через все расы, через все круги достижений. Ступени к храму.

"Истинно, истинно! Красота есть Бог! Искусство есть Бог. Знание есть Бог. Вся слава, всё великолепие, всё величие есть Бог. Истинно, истинно!" - воскликнул индусский Святой, возвращаясь из состояния самадхи. И придёт новый путь красоты и мудрости. Лучшие сердца уже знают, что красота и мудрость не роскошь, не привилегия, но радость, сужденная всему миру на всех ступенях достижения. Лучшие люди уже понимают, что не твердить только они должны о путях красоты и мудрости, но действительно вносить их в свою и общественную повседневную жизнь. Они знают, что европейский костюм не является признаком культурного человека. Они знают, что в наши дни, в дни смертельной борьбы между механической цивилизацией и грядущей культурой духа, особенно трудны пути красоты и знания, особенно тягостны нападения чёрной пошлости. Но они и не скрывают, что борьба тяжела и за ней уже растут крылья освобождённого Духа. Вы знаете, что лучшие красоты природы создались на месте бывших потрясений земли. Вы знаете восторг перед скалами, пропастями, живописными путями старой лавы. Изумля-

етесь кристаллам и морщинам каменных цветных наслоений. Бесконечную красоту дают конвульсии Космоса.

Подумайте, сколько знамений явлено!

Залила кровью мир война. Засухи, ливни нарушали людское устройство. Ушли озёра. Обрушилась вершина Монблана. Явил лик голод. Сколько условностей отживающей расы уже развалилось.

И среди развалин людских условностей уже возникает новая жизнь. И даже самые тупые начинают сознавать, что многое, зримое ими, не случайно. Новый мир идёт!

Идёт среди изумлённых и потрясённых взоров. И в новом мире, в его новых храмах сложится новая жизнь, и в ней искусство и знание поддержат престол любви Божества.

Благословенные ведут нас этими путями. Среди чудовищных умственных нагромождений изжитой ветоши видны уже признаки синтеза. Узнавая будущее значение красоты и мудрости, люди поймут и пути их возникновения.

Сейчас надо мыслить об искусстве. Надо ощутить и утвердить высший проводник Духа Утешителя. Смотрите, в конце прошлого столетия истёрлись старые стили. Жизнь наполнилась мертвенными подделками. Творения красоты стояли одиноко.

Обстановка жилищ, вещи обихода, средний уровень картин и ваяния дошёл до предела фальшивого безразличия, и тогда немедленно появилась реакция. Но насколько отвратительна была подделка, настолько же оскорбительна была реакция.

Возненавидели старых. И ненависть породила злобную беспомощность. Брызгая ядовитой слюной разложения, бросились издавать новые теории.

Точно неумелые дрогисты, они распределили искры Божества по склянкам и наклеили этикетки. Итак, на смену спесивому безразличию жизнь наполнилась всякими post" и ex"- ами. И снова раздробленность дошла до предела. И снова стражи истинного искусства, как Роден, Пюви, Ван Гог, Гоген, Сезанн остались одинокими, а вокруг них шла суматоха распятия красоты. Какой сюжет для старого Брейгеля или Босха. То они были поработаны сюжетом, то они искали лишь форму, то они искали лишь краски. Они самовольно и глупо разделили искусство на высшее, декоративное, прикладное, коммерческое. Они извратили понятие реальности. Они разрубили единое дерево. Они изогнули всё, за что могли схватиться судорожные их руки. "Бедные они", - как сказал о них один большой художник.

Они забыли то, что звучит в каждом атоме звёздного неба, перед чем их слепые теории кажутся жалкими заплатами. Они забыли о гармонии. Они не хотели знать, что близится время гармонизации центров. Они забыли, что таинственная прелесть искусства, его убедительность кроются в путях его возникновения. Откуда придёт, на том языке и говорить будет. В таинственных обобщающих путях искусства есть тот международный язык, который свяжет всё человечество.

Это не общее место. Не трюизм. Это надо подчеркнуть и выявить всеми силами духа, ибо люди забыли совершенно простой путь света и творчества. Язык людской, яркий и мощный в осуждении, стал дряблым и бледным при хвале и утверждении.

Но не примите сказанное за отрицание. Мы отрицаний не терпим. Ведь все "новаторы" пытались сломить пошлость. И тем даже неудачная попытка должна быть оправдана. Все борцы против пошлости - в одном стане.

Конечно, чем шире форма - тем вместительнее она. Не обойти великий закон вмещения.

И руководители жизни творят неусыпно. И можно радоваться ужасающим пределам нашего хаоса. Так из-под пены бури снова возносится омытый, сверкающий утёс; уже близится творчество созидания и обобщения. И мы знаем не предсказания. Мы уже видим светлые признаки. Одинокие люди, разделённые горами и океанами, начинают мыслить о соединении элементов, о творческой гармонии. И мысли единства пролетают над миром. Молодёжь уже пишет на своём трудовом щите:

«"Cor Ardens" recognizes art as the universal medium of expression and evidence of life. It realises the phenomenon that ideals in art manifest themselves simultaneously in all parts of the world and therefore acknowledges creative impulse irrespective of her-itage. Art should be created with honest mind and from genuine necessity. "Cor Ardens" is a concrete move to bring together, at least in spirit sympathetic isolated individuals.

We must walk the rising road of grandeur enthusiasm and achievement with all the power of our spirit³»

Разве в этих словах не звучит победа духа? Разве хаос не открыл врата единения? Разве разъединённые физически души не начинают понимать друг друга на языке высшего благословения?

Друзья невидимые! Знаю вас. Знаю, как нечеловечески трудно вам пре-возмочь все условности жизни и не погасить ваш светоч. Знаю, как болезненно для вас идти под презрением тех, кто построил свою жизнь на тёмных понятиях денег. Знаю вас - одинокие - перед огнём, который кажется вам одиноким. Мои молодые друзья! Всегда молодые. Разве не видите, что около того же вашего огня сидят многие? И не одиноки сидящие у одного огня. И если рука ваша ещё не ощутила пожатия, то дух ваш уже принял поцелуй брата.

Какие гигантские массы сдвинуты братскими усилиями. И каждое напряжение в направлении красоты и знания сияет сознанием, что единый луч духа ведёт нас - тот луч, перед которым вспыхивает экстаз духа, а тело трепещет в предчувствии. Не дрожи, не бейся так, бедное сердце! Ещё раз, опять после долгого срока, ты научишься владеть мощью, которая так близка. Купель Красоты!

Велико значение искусства для будущей жизни! Новый мир идёт! "Оставьте все предрассудки - мыслите свободно!, - так Благословенный сказал.

³ «"Кор Арденс" признаёт искусство универсальным средством выражения и утверждения жизни. Это делает реальностью феномен одновременного проявления художественных идеалов в самых разных частях света и тем самым подтверждает возникновение творческого импульса вне зависимости от традиций. Искусство должно созидаться с честными намерениями и искренним устремлением. «Кор Арденс» является конкретным шагом к единению, по крайней мере в духе, сочувствующих этому людей. Мы должны идти восходящим путём благородного энтузиазма и подвига со всеми силами нашего духа».

II

Я знаю тебя, гомункулус. Это ты подсунул нам в дороге столько ненужных вещей. Это ты советовал нам не доверять всему молодому и "неопытному". Это ты подставил внешние факты вместо фактов духа и сущности. Это ты позолотил рамы на картинах. Ты проник в советы и лиги и прикрыл стремление к совершенству обязанностью могильщиков. Ты очень трудишься. И в твоей незримой империи растёт славное человеконенавистничество.

Но как бы мал ты ни был, уже рассмотрели тебя. И узнали твои привычки. Ты боишься талисмана любви. И любовь подсекает твои создания. Любовь творческого совершенства. Ты мечтаешь засыпать её старыми вещами. Ты думаешь, что пламя любви потухнет? Но ты забыл таинственное качество пламени. Оно зажжёт любое количество светочей и не уменьшится. Где же тебе бороться! И если бы ты даже проник во все лиги наций, то ведь за нациями стоит человечество. И здесь трудолюбивый гомункулус не достигнет успеха. Ибо человечество всё-таки, хотя и медленно, идёт к гармонии.

Не кажется ли вам странным, друзья, что даже в наши дни, в дни наибольшей суматохи и страха, всё-таки могут быть действительно выявляемы такие ещё далёкие понятия, как любовь, благо, совершенство, то есть все спутники гармонии? Гармонию часто не понимают. Смешивают с унисоном. Не понимают. Так же, как не понимали нирвану. Но гармония не есть отвлечённое песнопение. Гармония, гармонизация центров есть выявление деятельности во всей её мощи, во всей её ясности и убедительности. Познавая, чего мы хотим, мы слагаем все наши центры в одно напряжение и даже преодолеваем все установления рока. Но дух-то наш знает лучше всего, где правда. И каждый наш поступок оценён духом воистину.

И вот этот дух также знает, что любовь и совершенство будут применены в жизни, в простоте и ясности творчества. Если простота выражения, ясность желаний будут соответствовать неизмеримости величия Космоса - то это путь истинный.

И этот Космос, не тот недостижимый Космос, перед которым только морщат лоб профессора, но тот великий и простой, входящий во всю нашу жизнь, творящий горы, зажигающий миры - звёзды на всех неисчисленных планах.

Простота - неперемнное качество гармонии. Творчество будущего будет осенено простотой. Конечно, вы не смешаете простоту с примитивизмом, с нарочитостью.

Здесь разница так же велика, как между искусством и штампом. И часто в золотых рамах висит коммерческий штамп, а в плакате под вихрем и снегом треплется истинное искусство.

Но дух-то, хотя бы в молчании, знает, где штамп, где пошлость и где радость и творчество.

Молчаливо спрашивайте дух ваш, внося каждый предмет в дом ваш. Произнося заклинания против гомункулуса, обдумайте, зачем и как пришли вы к мысли приобщить к вашему очагу нового гостя.

Ведь эти молчаливые гости могут быть истинными друзьями, но могут стать и врагами вашего дома.

В осознании предметов лежит гармония их. И опять дух ваш знает врага и друга.

Знаем непреложные исцеления музыкой и красками. Вспомним мощь пения. Вспомним высокие подъёмы в храмах, в музеях. Дом Божий! Дом Великой Тайны! И таинство Духа имеет подножием лишь красоту.

Конечно, вы любите искусство. И вы хотите о многом расспросить меня. Вы хотите знать, что лучше для гармонии дома - картины или стенопись. Лучше ли закрепить обстановку в неподвижности. Или жизненнее - идея Китая и Японии, где каждый день на стене комнаты помещается одна картина?

Наверно, вы хотите спросить, правильна ли идея наших современных выставок, где за обликом храма искусства притаился ларёк торговца? Учитель изгонял торговцев из храма. Учитель знал, конечно, что в нашей жизни без торговцев ещё нельзя. Но Он их изгонял именно из храма.

Так и в деле искусства. Конечно, торговля должна остаться. Но она должна быть вынесена из храма. Пусть будет честный праздник; пусть будет честная лавка. Но лавка во храме и личина храма в лавке вносят внутренний разврат среди творящих и цинизм среди посещающих.

Благоуханье храма скуёт жест даже отъявленного циника, и гомункулусу приходится бежать.

Правда, гомункулус, вам всё-таки придётся уйти из жизни. Бессчётные молодые сердца просят вас уйти. Очистив принцип обмена искусства, возможно ввести его в дом. Внести как бы свечу, зажжённую во храме. И мысль стенописи, и ценная смена впечатлений Востока - всё найдёт своё место. Ибо правда бесконечна. И каждый отдельный случай утверждения искусства устанавливается сознанием духа. Кондуктор думает, что люди лишь ездят. В представлении сапожника люди лишь ходят. В представлении современного человека люди только терзаются. В знании Благословенного люди должны радоваться.

Правда, именно сейчас радость об искусстве звучит странно. Много говорят об искусстве и так мало вносят искусство в свою жизнь. И всегда находят превосходные отговорки и оправдания. Всегда виноваты самые убедительные обстоятельства. Всё виновато, но лишь не виноват "цивилизованный человек", ходящий смотреть на бой быков или на уличную драку, обставленную правилами "бокса". Здесь открыты и сердца и кошельки.

Но расспросите этих людей, много ли они сделали для искусства? И много ли они внесли искусства в свою жизнь? Они будут удивлены, и окажется, что пещерный человек каменного века имеет все преимущества перед этими завоевателями земли. В наши дни и об этом приходится говорить. Как же не говорить, когда именно сейчас некоторые правительства пытаются обложить свободное искусство особыми налогами. И тем ещё больше затруднить тернистый путь красоты. Здесь опять работа гомункулуса!

И в то же время лишь около десятой части населения вносит искусство в свою жизнь и что-то знает об искусстве. Двадцать процентов только говорят об искусстве и не применяют его. А семьдесят процентов вообще не знают или, лучше, не помнят уже, что такое искусство...

Но лучше, хотя бы механически, твердить: "благо, благо, благо", нежели, хотя бы с усмешкой, повторять: "зло, зло, зло". Этот относительный принцип уже усвоен многими. Так вот этим путём будем хотя бы один раз в неделю спрашивать себя, что мы за семь дней сделали для искусства?

Пусть и политики, и конгрессисты, и многие клирики и банкиры, и "деловые люди", и все гордые своей часто сизифовой работой, пусть тоже усвоят

себе эту нетрудную привычку. Там, где нельзя идти путём радости сознания, там пусть протянется мостовая указанной дороги. Но усилия нужны. Иначе наши дни грозят особым бедствием для достижений искусства. Искусство должно цвести, и музыка духовного призыва должна звучать вне состояния биржи и вне заседаний Лиги Наций. И ещё одно тоже "необщее место". Со стыдом вспомним о том, о чём поистине необходимо вспомнить, и признаемся. В воспитании ребёнка всё ещё забыто развитие творчества. Сперва стараются внушить ребёнку массу условных понятий. Сперва ему преподают полный курс страха. Затем ребёнка ознакомят со всеми домашними ссорами. Потом ему покажут фильмы, где зло так изобретательно и блестяще, а добро так бездарно и тускло. Потом покажут детям все пошлые заголовки ежедневной прессы. Потом ребёнка окунут в так называемый спорт, чтобы молодая голова привыкла ощущать удары по лицу и привыкла думать об ударах физических и о разбитых членах. И так, сперва займут всё время юноши, дадут ему наиболее пошлые и извращённые формулы. А потом он, засоренный и заржавленный, может начинать творить.

Это одно из самых глубоких преступлений.

К любой машине люди бережливее относятся, нежели к ребёнку. Ещё бы, за машину заплачены "всесильные" деньги. Её нельзя запылить или залить грязью. А за детей деньги не платят. Но если машина портится от пыли и грязи, то, как же разрушительно действует грязь духовная на нежный молодой аппарат. В смертельной тоске ищет света маленькая голова. Смертельно болезненно чувствует его оскорбительность. Болеет, затихает и часто поникает навеки. И творческий аппарат замирает, и отпадают все провода. Мы часто восхищаемся неожиданностью детского рисунка, или мелодией детской песни, или мудростью суждения детского. Там, где ещё открыто, - там всегда прекрасно бывает. Но потом мы замечаем, как ребёнок перестаёт петь, перестаёт рисовать, и суждения его уже напоминают так называемые нарочно для детей сделанные книги. Значит, зараза пошлости уже проникла, и все симптомы этой ужасной болезни уже появились. Появилась скука, появилась условная улыбка, появилось преклонение перед противным, наконец, появился страх одиночества. Значит, что-то близкое, руководящее, всегда присущее - отошло, отодвинулось.

Не изгоняйте детей из храма. Ведь самые трудные вещи всегда так просты.

Откройте в школах пути к творчеству, к великому искусству. Замените пошлость и уныние - радостью и прозрением. Развивайте инстинкт творчества с самых малых лет ребёнка. Уберегите от гримасы жизни. И дайте ему счастливую, смелую жизнь, полную деятельности и светлых достижений.

Бичи человечества - пошлость, одиночество и тягость жизнью минуют молодую душу творящего. Откройте пути благословения.

III

Как же вносить искусство в жизнь? Где же эти благословенные пути? Может быть, они недоступно трудны? Или требуют неисчислимых средств? Или только гиганты духа дерзают на эти пути?

Все уверения будут неубедительны. На эти сомнения можно ответить лишь страницей подлинной жизни.

Расскажу вам, друзья, о тех собирателях, которые сохраняли цветы искусства не для роста капитала, не для имени своего, а именно из любви, выросшей свободным сознанием.

Возьму четыре портрета моих друзей. Все они уже ушли от нас. Из них только один был богат средствами, а трое были богаты лишь своим светлым духом.

Богатым собирателем был московский коммерсант Третьяков. Ничто в семье не располагало его к искусству. Старый купеческий род скорее подозрительно смотрел на непонятное ему влечение. Но неожиданно молодого Третьякова потянуло к новому пути. И ошупью, руководясь личным чутьём, он начал собирать картины русской школы. Шёл он одиноко, лишь иногда выслушивал совет знакомого художника. И не случайно начала складываться теперь знаменитая Третьяковская галерея в Москве. Подлинным чутьём любителя Третьяков понял, что правительство обычно пополняет свои музеи чаще всего официальными произведениями, минуя лучшие вещи художников. И этот казённый лик музея не может отразить течение школы нации. Так было всегда. Так, боюсь, ещё будет.

Искусство всегда цвело личным, горячим порывом. Он поймёт, и найдёт, и сохранит, и даст всему народу. И вот купец Третьяков понял государственную задачу искусства. И нашёл свежие художественные силы, и облегчил путь их. И, окружив чистым восторгом, сохранил их творения. Но свою радость он сделал народной радостью и при жизни ещё отдал городу Москве всё своё замечательное собрание.

И немалую задачу он себе поставил. Не просто собрал воедино массу ценных творений, а отразил в своём собрании всю русскую школу. Всё новое, яркое, значительное было усмотрено Третьяковым. Этот молчаливый седой человек, в большой шубе, неутомимо посещал все выставки, и ничто не останавливало его, если он считал произведение значительным. К начинающему молодому художнику он поднимался по крутой лестнице в студию. Он был первым - при окончании картины. Он был первым - при открытии выставки. И за то он первый имел лучшие, характерные вещи.

Сложилось так, что награда высших художественных учреждений считалась ничем сравнительно с приобретением Третьякова. И судьба начинающего работника решалась не Академией, но именно этим молчаливым искренним человеком. Когда не хватило стен дома, Третьяков построил ещё здание рядом. Если это было нужно, то оно должно было быть сделано. И искусство не должно было терпеть ущерба.

Конечно, кто-то может сказать, что с большими средствами Третьякова было возможно собирательство в таком огромном масштабе. Он мог избирать лучшее и мог получить столько, чтобы представить у себя всю русскую школу. Правда, средства дали этот масштаб, но качество собирания, любовь к делу и живое творчество в самом выборе вещей и людей - всё это шло не от количества средств, а от бездонного богатства духа.

Так один человек, сильный духом, сделал бесконечно важное государственное дело. И теперь, если бы правительство пожелало повторить Третьяковскую галерею, оно было бы бессильно, ибо порыв духа создал неповторяемую комбинацию красоты.

Это - пример идейного созидания в пределах государственных. Теперь другой духовный лик. Та же сила духовного устремления при всей полноте борьбы со средствами.

Известный поэт и культурный деятель, гофмейстер двора императора граф Голенищев-Кутузов. В этом случае традиции рода способствовали развитию устремлений к искусству. Были большие исторические познания; был особый глубокий поэтический дар.

Собрание состояло из картин старинных голландской, нидерландской и итальянской школ. Основное отличие собрания - не погоня за условным именем, но правда выявления чудных творений. Собиратель понимал, что имена Рембранта, Рубенса, Ван Дейка являются именами собирательными (коллективными). Что только низший тип коллекционера гонится в темноте за пустым для него звуком. Но лучшее знание искусства открывает нам бесчисленное количество художников, поглощённых так называемыми крупными именами. И задача культурного собирателя разобраться в этих забытых именах во имя правды. Если на признанной отличной картине Рембранта найдётся подпись Карела Фабрициуса, его ученика, - разве превосходная картина станет от этого хуже? Или мог ли Ван Дейк писать две тысячи портретов в год? Конечно, нет, но у него было до двухсот учеников. Я знаю, как огорчён был бы граф, узнав, что одна из его любимых картин, принадлежащая неизвестному нидерландцу Haselaer"у, висит в Metropolitan Museum в Нью-Йорке под именем Иоахима Патинира.

Во имя правды граф Голенищев-Кутузов раскрывал истинные имена и, насколько мог, исправлял грехи своекорыстной человеческой истории. И какой любовью, интимностью дышало его изысканное собрание. При этом каждая картина была добыта с трудом, с лишением. Каждый новый член возбуждал неодобрение многих родственников, жалевших трату денег. А средства были так скудны. Небольшого придворного жалованья не хватало на жизнь. И уходил отсюда этот собиратель, окружённый своими истинными друзьями - картинами. И завещал, чтобы его собрание разошлось и дало новую радость новым ищущим душам.

У всех вещей есть своя аура. Чуткий дух подбирает в окружающих предметах близкую ауру. Каким хорошим светом светилось собрание Голенищева-Кутузова.

Этот тип утончённого собирателя, который, работая и радуясь новой красоте и правде, посылает её вновь служить облагорожению духа человеческого.

Теперь тип молодого собирателя. Собиратель по инстинкту ещё со школьной скамьи. У мальчика, вместо свойственных возрасту радостей, растёт стремление к художественным произведениям. Он с малых лет, не имея личных художественных способностей, отличается образованием и развитым вкусом. Его привлекает всё прекрасное. Дух его стремится восходить. Он, наверно, когда-то был художником.

Какая радость была проводить время с молодым Слепцовым. Ещё со скамьи лица он начал собирать картины. Не хаотичная, не случайная покупка это была. Он знал, что делать. И все деньги, данные юноше матерью на удовольствия, шли на благородное влечение. И если иногда был недостаток в деньгах, то энтузиазм общей задачи никогда не страдал от этого.

А общая задача была красива. Юноша полюбил определённых, очень тонко избранных художников и решил каждого из них представить во всех периодах деятельности. Сохранить и передать потомству полный лик творческой человеческой жизни. В будущем юноше грезилось: каждому художнику будет предоставлена отдельная комната и вся обстановка комнаты будет отвечать характеру данного творчества. И мебель, и обработка стен, потолка, характер освещения и покрытия пола. Из этого можете заключать, какая тонкость восприятия была заложена в молодом духе и какая проникновенная любовь и забота окружала каждого представленного художника. В этих особых комнатах иногда должно было раздаваться избранное пение и музыка. Или должны были быть читаемы соответственные произведения. Словом, должна была быть осуществлена мечта о единстве искусства, о гармонии.

Радостно было слушать, как избиралось новое произведение для собрания. Какие тонкие и правдивые соображения высказывались, чтобы выделить и найти новую достойную черту в творчестве художника. И вы видели в употреблении искусства не прихоть, но реальную культурную потребность. И эта тонкость культуры заражала окружающих. И мысль, и разговор очищались светлым восхождением духа.

Слепцов мечтал передать своё собрание народу. Не заботясь об имени своём. Но слишком рано ушёл он от нас. И ушёл он необыкновенно. Он уехал верхом и не вернулся. Перешёл неожиданно, среди природы, прислушиваясь к гармонии Космоса. Завидный переход - переход к новой прекрасной работе. Это тип чуткой души с заложенными ощущениями будущей гармонии и единства.

Теперь ещё один трогательный тип собирателя.

Очень бедный армейский офицер, служащий в отдалённой провинции, рвётся всей душой к искусству. Лишая себя во многом, полковник Крачковский, всегда деятельный, горящий энтузиазмом, всегда приветливый, стремится собрать коллекцию образцов русской живописи. Конечно, он не может собрать крупных вещей. Он собирает небольшие размерами картины, эскизы, этюды, рисунки. Но по внутренней ценности его собрание становится очень значительным. Он стремится к лучшим художникам: он понимает, что часто эскиз ценнее самой картины. Он стремится выявить лик художника в чертах наиболее типичных. Это не покупатель дешёвых картин - это истинный собиратель. При этом сам он часто нуждается в десяти рублях, и для него величайший вопрос - заплатить десятью рублями больше или меньше. И он просит художника отдать вещь и настойчиво убеждает уступить.

И слово его действовало, и ему отдавали эскизы. И он радовался светлой радостью ребёнка, и писал восторженные письма о новом сокровище. Как любил он искусство и каким высоким значением окружал он понятие истинного творчества. В завещании он оставил всё своё собрание в общественное пользование. Но мало того, он завещал продать всё его скромное имущество, все его обиходные вещи и на вырученную сумму приобрести ещё художественных предметов и приобщить их к собранию.

Это тип внешне незаметного, но глубоко значительного работника в пользу будущей культуры. Его пример останавливал внимание многих. И если бы вы читали его письма, писанные с поля сражений! Полковник Крачковский ушёл от нас во время последней войны. Чистая душа!

Я мог бы показать ещё много ликов, полных благородных исканий в разных областях искусства. Но и эти четыре лика уже устанавливают уровень культурных стремлений, так нужный человечеству.

Так бывает не в мечтаниях, но в жизни. Бывает искренне и действенно. И улыбка радости сопровождает такие светлые задачи. До чего близки искания искусства достижениям духа.

Пора понять и запомнить и применить к жизни эти чудесные проводники.

И когда искусство войдёт действенно, и неудержимо, и просто во все духовные, общественные проявления, тогда оно будет внесено и во всю современную жизнь.

И по этим каналам приблизятся ко всякому человеческому сердцу истинные пути благословения.

IV

"Скажи, кто твои враги, и я скажу, кто ты есть".

Друзья, любите ли вы врагов ваших?

Умейте "гордиться" не только друзьями, но и врагами. Напрасно вы не любите врагов ваших. Вы должны их любить. Они такие старательные существа. Они так трудятся для вас. Они знают о вас больше, чем вы сами знаете. В старательстве своём они вам приписывают такие тонкие выдумки. В их представлении вы делаетесь и всемогущим и вездесущим. И часто враги помогают вам - вашим лучшим идеям. И удары врагов так часто дают новых, невидимых друзей ваших. Окончив свои "дела", осмелевшие враги сядут в советы и митинги и будут без вас решать о вас. Но творчество жизни обернёт все их решения. Как Мимме у Вагнера, милые враги не будут знать, что именно они говорят. Потом они придут с разъяснениями, но всё-таки врагами останутся. Пока не почувствуют удары искры - стрелы. Тогда, обедневшие, они делаются и осторожными и зрячими.

И бывает всё, как должно быть... Враги часто сердятся. А кто гневается, тот уже бессилён и неопасен. Истоцив крик свой, они стараются замолчать вас, но как приятна работа в молчании. И криком и молчанием они полезны вам. Ах, милые враги, если бы вы иногда посмотрели, какой малюсенький человек натравливает вас. Даже самые грубые сердца были бы сконфужены таким руководителем и союзником. Я уже не говорю обо всём том, когда явные враги заставили вас осмотреться, проверить ваше знание и двинуться с новым упорством.

Да будут благословенны враги!

Но почему вы занимаетесь врагами? Разве мало всех друзей ваших? - спрашиваете вы. Конечно, я говорю не для себя, и, может быть, не для вас. Но говорю я для младшего поколения. Оно часто не знает, как поступить с первыми врагами и вместо простого перехода через реку - нагромождает утёсы, теряя драгоценное творческое время. А ведь каждую минуту кто-то может быть научен и обрадован. Обрадован не деньгами, но радостью познания новых далей. Ведь если бы весь мир возрадовался хотя бы на одну минуту, то все иерихонские стены тьмы пали бы немедленно. Но радости мира ещё далеко. Часто мы так твёрдо заучили что-нибудь, что, если бы это было вовсе не так на самом деле, мы всё равно будем настаивать на своём; вместо третьего глаза отказываемся от двух обычных.

Попробуйте на лесной дороге, опередив спутника, незаметно скрыться в чащу и пропустить его вперёд. Потом вы можете окликать его сзади, а он будет ускорять ход и будет слышать зов впереди. Ибо мозг его знает, что вы должны быть впереди.

Отчего люди не видят синюю лошадь или зелёное лицо? Потому что вопреки очевидности их связанный мозг знает то, чего нет на самом деле.

Сколько споров о жизни, о религии, о знании, о красоте породили связанные мозги. Связанные оковами школ-тюрем. Вот и наши враги так многое знают непреложно, что они даже помогут будущей культуре. Помогут для себя неожиданно. Они ведь решили задавить вас своими "великолепными" материальными достижениями и вещами. Они водрузили стандарт свой оконченной жизни, оконченной расы. В гордости сознания законченности они обрезали все "ненужные" провода. Что значит "бедный дух" перед мощью складов, набитых хотя бы гнилой мануфактурой?

Враги уже готовы торжествовать и петь гимны своего отрицания. Но происходит "глупая" вещь. Кто-то не хочет взять их товары. Время портит их заготовки. А по видимости они не могут даже рядом лежать с изделиями древних эпох. И из-за груды хлама победоносно и неоспоримо покажутся лишь творения Духа. Взглянем на музеи нашей планеты хотя бы через одну тысячу лет. Что именно найдут потомки от наших дней - они, которые уже будут давно знать и атомическую энергию, и мощь гармонии? Книги, газеты, бумаги, ткани стали уже пылью. Цемент и железо уже давно превратились в труху. Все краски стали жёлтыми и серыми. Многие изваяния развалились. Остатки кладбищ стали местами убожества. И рядом с этим печальным ликом ещё останутся монолиты древних эпох, уже не однажды знающие, что такое тысячелетие.

Много изделий врагов ваших унесёт время. Правда, в битве очищения погибнут и некоторые друзья. Но те, которые поймут, что есть гармония, те сохранятся. Ибо они знают, что гармония заключается в соответствии всех частей и всех материалов. Кто знает, для чего творит он и что выражает, тот создаёт и соответствие материалов. Он поймёт, как охранить книги - скрижали знания. Он поймёт, что нелепо ставить цементное изваяние или писать картину заведомо плохими красками на гнилом холсте.

Мало-помалу люди поймут, что именно должно сохраниться и как именно сохранить это. Охранить - как след искры божественной энергии.

Но для того чтобы знать, надо помыслить, надо создать моменты этого подъёма, этого узнавания. Много людей в конце недели ходят в церковь. Много людей в конце недели вспоминают, сколько они должны заплатить по счетам. Но не много людей хотя бы один раз в неделю вспомнили, что за семь дней они внесли в область красоты и знания. И тщетно искусство стучится в эти запертые двери. Этот стук сердца беспокоит мозг не более стука ветра. И ещё плотнее притворяют ставни и завешивают шёлковыми тканями всякий доступ воздуха.

Любить искусство никто не обязан. Большинство разговоров об искусстве поддерживаются не любовью, но лишь приличием. Но тем не менее искусство и знание идут.

Постепенно усиливаемый электрический ток даёт возрастающий свет. Затем вспыхивает особенно ярко и для нас погасает, но аппарат работает ещё

усиленной. Это значит, что зрение наше уже не воспринимает вибраций такого напряжения, но незримый свет растёт.

Или перед вашими глазами начинает двигаться цепь товарных вагонов и заслоняет чудный пейзаж, вагоны ускоряют свой бег. В промежутки между ними начинают мелькать очертания природы. Поезд понёсся быстро, и вы начали видеть как бы сквозь него весь связный пейзаж. Препятствие физического тела исчезло.

Во тьме часто мы не видим растущий свет. Но зато если достремиться, то снова, сквозь нашу физическую оболочку, мы начнём видеть истинный мир в его истинном движении.

Так и сейчас часто мы не можем воспринять усиленных вибраций мировых движений. Но сквозь цепь товарных вагонов мы уже начинаем различать вершины гор, к которым рок нас движет. Мы вспомнили о современных условиях творчества. Вспомнили все Голгофы трудностей и подвигов достижений. Конечно, условия искусства и знания в современной жизни ненормальны. Конечно, мы должны знать это и ежечасно помнить об этом. Но если всё движем творческой любовью, чудом красоты и премудростью знания, то этот треугольник вы всё же не опрокинете, ибо каждая сторона его выявляет две следующие.

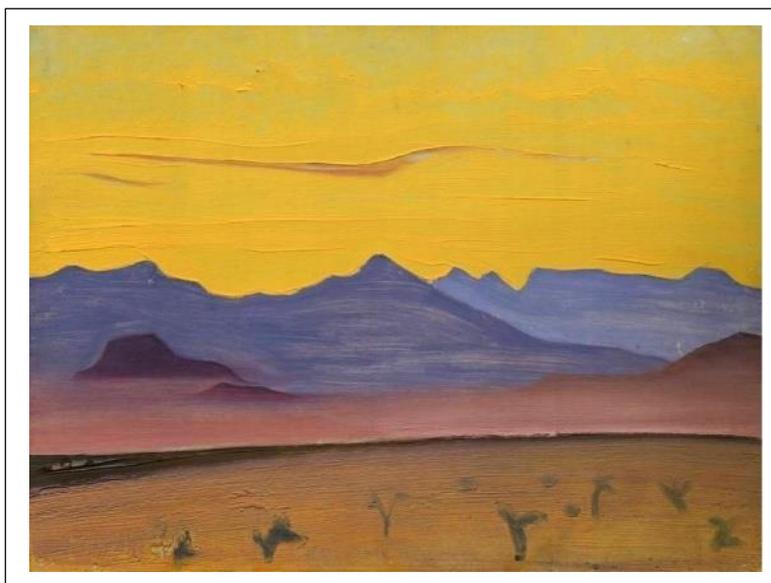
И теперь, если мы знаем, что молодое поколение вспоминает о мощи устоев, то, конечно, оно перенесёт это сознание через все трудности жизни. И произносятся слова "братство", "любовь", "гармония", мы произносим не смешные, неуместные слова, но говорим слова ближайшей практики жизни.

"Чудо творится среди жизни, среди действия, среди напряжённой гармонии. Ночные видения претворяются не в сказку, но в явление счастливых обещаний с путями Благословенных.

Окно, во тьму открытое, приносит ночные голоса, но зов любви принесёт ответ Возлюбленного".

Новый Мир идёт.

Санта-Фе. 1921.

Н.К. Рерих. Санта-Фе. 1921.